

Гуси греются на соломе.
Три ракитины у моста.
Хорошо!
И в отцовском доме
Мне пожить бы годов до ста.

Как, допустим, мой дед Григорий:
Жил в угоду своей судьбе,
То без горя, то глянет – горе,
Как хозяйка, в его избе.

Жил, где всё для него родное:
В хате – печь, а в печи – горшок.
И будил его за стеною
В ночи тёмные петушок.

В ночи тёмные, после Святков,
Если жуткий стоял мороз,
У козы забирал козляток
И за печку, погреться, нёс.

От войны – бобылём, без бабки;
Светлой памятью той поры, –
Как наследство нам – прялки-тяпки
И в зазубринах топоры.

Человек на земле – прохожий,
Вот мой посох, а вот – мешок.
И меня будит песней той же
В ночи тёмные петушок.

Поклоняясь земному веку,
Отмеряя свои года,
Слушать вечное «кукареку!»
Не расхочется никогда.

Не мечтал я податься в греки,
Счастья лёгкого не хочу;
Где ещё я и в кои веки
Жизнь такую заполучу?

Чем ты измеришь ту весёлость,
Ту радость и тот свет души,
Когда нахлынет на просёлок
Девятый вал созревшей ржи.

Пойдёшь просёлком через поле –
Покажется, что ты плывёшь.
О прошлом думать уж не волен,
А только будущим живёшь.

Но родины своей приметы
Тебе по-прежнему близки:
То васильки в зените лета,
То бронзовые колоски.

То снова слышится над полем,
Где синь степная залегла, –
От радости земной и боли
Ломают трель перепела.

То облако в вечернем небе...
И вдруг поверишь, преклоняясь,
Что жизнь идёт,
И в этом хлебе
Заложена с прошедшим связь.

БЕЗ ЦАРЯ

Поле. Небо. Дома на взгорке –
Там, с обидою на народ,
Зарастает полынью горькой
Моей тётушки огород.

Глянешь: домики не убоги,
И совсем не глухие места.
По просёлку до царской дороги
И всего-то одна верста.

По преданию, наши предки
К ней бежали смотреть царей.
А у тётушкиной соседки
В огороде царит Пырей.

У соседа соседки – то же:
Там бесчинствует царь Осот...
Всяких дел на земле приумножив,
Мы достигли земных высот.

Из землянки да из каморки –
До космической высоты.
А дома на родном пригорке
И зимою, и летом пусты.

Эти залежи да излуки –
Всё владенья царей и цариц.
А умчались дети и внуки
На задворки родных столиц.

Там, тоскуя, поют и пляшут,
А возможно, и без тоски.
Но не едут к ним и не пашут,
Как бы ни были им близки.

Не сказать, что на жизнь калеки,
Ещё хлебушек свой жуют.
Но, разбойники, в новом веке
Без царя в голове живут.

И не предки за всё в ответе –
Здесь прожили они не зря.
Плохо жить нам теперь на свете
И с царями, и без царя.